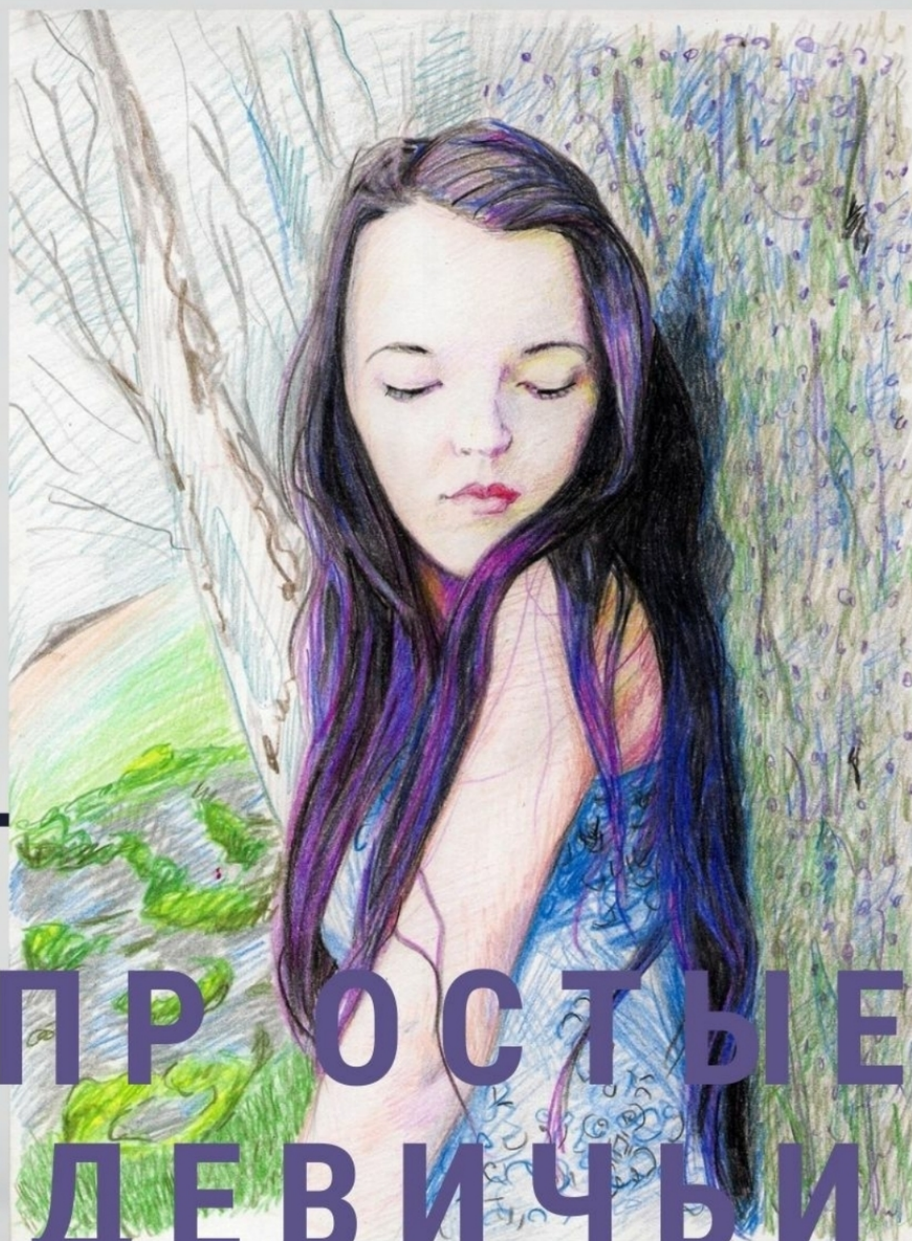

ОСТАВАЙСЯ СОБОЙ ДО
КОНЦА

ЮЛИЯ ШАМАНСКАЯ

ПРОСТЫЕ
ДЕВИЧЬИ
ТАЙНЫ

RICKY STAMMERS

16+

Юлия Шаманская
Простые девичьи тайны

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Шаманская Ю. В.

Простые девичьи тайны / Ю. В. Шаманская — «ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-5-532-04823-2

Свобода не есть беззаконие. Свобода означает жизнь по своим законам. Молодая девушка мечтает об идеальной семье. Жизнь не раз предлагает ей компромиссы, но она упрямо не желает держать синицу в руке. Для этого требуется немалое мужество. Кто победит - хрупкая девушка с большой мечтой или новые реалии современного общества?

ISBN 978-5-532-04823-2

© Шаманская Ю. В., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1

Мать писала, что от прежде цветущего села Васюкино, не осталось буквально ни кола не двора. Они с отцом жили на государственную пенсию, доживали. Молодежь вся состояла из одной верующей многодетной семьи, вернее двух, если считать семью местного попа. Но ни те не другие, по мнению мамы не могли составить дочке кампанию. «Родители не в себе, а дети малолетние. Да и те вырастут- вылетят из гнезда в города», – писала мама в письме. Меня сильно впечатляли эти письма. Когда комендантша, приносила в комнату мятые конвертики, ожидая за срочность копеечку, сердце в груди вспархивало. Настоящие письма! Девочки из общежития нашего Политехнического университета, приходили смотреть на диво, крутили в руках, фотографировали на телефоны, а подружка моя, Леночка, просила отклеить для нее марочку. Такие теплые были эти письма! Внутри листик из школьной тетрадки в клеточку, весь исписанный мелким неровным маминым почерком. Такие письма я получала все пять лет своей учебы в городе. Я любила их трогать, гладить, плакать над ними, любила их как свою мать. Даже больше, чем мать, оставленную в деревне казалось давным-давно. В письмах она была разумна и осторожна в словах, заботлива и вежлива. В письмах она говорила на разные темы, которые не касаются моих несовершенств. Издали мама любила меня больше, потому что писала письма не мне, а той дочери, которую бы хотела видеть и какую себе представляла в мечтах. Отец никогда не писал. Лишь каждый раз передавал через маму приветы. И на каждой новогодней открытке и цветной телеграмме «С днем рожденья!» в конце витиеватого маминого поздравления, стояла неизменная подпись: «Целуем, мама и папа». На пятом курсе, мама писала, что скучает, но домой не ждет. «Оставайся, дочка, после учебы в городе! Не хочу, чтобы ты влачила такое же скучное существование, как твой брат! Ты умница, сделаешь карьеру, замуж выйдешь! А у нас тут нет достойной пары для такой красавицы».

Канули в лету институтские распределения. Отучилась – и свободна, как птица. Вот Бог, а вот порог! Ищи работу, где знаешь, как умеешь.

Отгуляв выпускной, я лицом к лицу столкнулась с проблемой жилья. Работы в городе много, хоть и не по специальности пока отыскать не удалось. Жилья тоже много сдается. Только ни как-то не сходятся эти две вещи: средняя зарплата и плата за аренду.

Ну, молодые всегда выход найдут, и я нашла!

Город открыл свои объятия сельской девушке. Устроилась я в копировальный центр, оператором. Мой диплом химика сочли подходящим. Квартиру сняли на двоих с Ленкой. Вместе жили в общежитии, теперь и в ветхой Хрущевке, однушке. Тоже не тесно показалось.

Ничего, что остатка зарплаты едва хватало на хлеб и картошку. Молодость рождает мечты. А мечты часто греют лучше шубы, и питают слаще меда.

Передо мной будто открылся весь мир. В нем была, прежде всего, любовь! Потом семья, а потом... путешествия в Европу, Индию, Китай, Японию и жаркие острова. Дальше девичьи мечты не заходили – фантазии не хватало.

Глава 2

В восемь утра уходил Толик. Я уже привыкла к виду чужого мужчины в трусах. Уже не вздрагивала, не краснела. Но все еще отводила взгляд, рассматривая его, поросшие кустистой шерстью пальцы в резиновых тапках.

Толик приходил к Лене, моей соседке. Спали мы все втроем в одной комнате. «Влюбленные» вбили в стенку пару гвоздей, протянули леску и отгородили Ленкину кровать тонкой оранжевой шторой, снятой с окна.

Полупрозрачная ткань мало чего скрывала, но я была благодарна им и за это. Ограничив так свою свободу, молодые решили, что сделали все как надо, и перестали обращать на меня внимание. Но я, все равно, спала в спортивном костюме, и старалась передвигаться, как мышь, пробираясь в ванную.

С появлением Толика стало легче с продуктами. Вскоре, Ленка освободила меня от доли «на еду», я оплачивала только свою часть аренды.

Потихоньку стала откладывать деньги, мечтая съездить отдохнуть на курорт.

Отправив Толика на службу, мы с Леной пили чай с печеньем и собирались на работу. Ленка в универмаг, где устроилась продавцом-консультантом, я – к своему ксероксу, в унылый «офис».

Офис представлял собой большую комнату, разделенную на приемную и рабочую часть. Отделяла части стойка – мое рабочее место! За стойкой располагался ксерокс-принтер. А дальше шли ряды столов, с девочками и мальчиками, записанными в трудовую книжку, как дизайнеры-оформители.

Моя работа оказалась не сложной, но самой ответственной. Только я работала с клиентами – всегда на виду! Я принимала заказы на полиграфические услуги, и я же «ксерила», «сканировала» и «распечатывала» документы. Работая там, всегда удивлялась, почему я за стойкой одна, а сзади слоняются без дела столько оформителей.

Рядом с офисом высилось здание университета. Поэтому копировальные услуги, пользовались спросом не меньше горячих пирожков. Я все «ксерила» и сканировала с утра до трех часов, пока в глазах двоиться не начинало. После обеда поток студентов внезапно иссякал, как будто перекрывали кран. И я могла выпить чаю, вздохнуть и оглядеться по сторонам. Однако чем дольше работала, тем больше мне нравились утренние часы, время очередей и «запарки».

Девочки и мальчик, составляющие коллектив дизайнеров, считали мою работу некачественной, а потому никчемной. В клуб художников, творческих личностей, к которым они причисляли себя, вход химику-неудачнику был заказан. Коллектив скромного копировального центра, состоявшего из четырех дизайнеров, меня и заведующей, составлял в то время некий микрокосм, в котором проходила моя маленькая жизнь. Не удивительно, что каждое колкое слово, косой взгляд попадали в самое сердце и больно ранили.

Баталии в коллективе развивались с самого утра. Пока я была занята, три девицы, за моей спиной, буквально вырывали друг другу волосы. Но все это происходило, на уровне колких замечаний и скрытых подножек. Единственный парень держался в стороне. А заведующая, Ольга Ивановна, царствовала в лучших традициях барыни при крепостных.

Как только рассасывались очереди к стойке, взгляды и помыслы всей этой братии, сосредотачивались на мне, наивной и беззлобной чужачке, не имеющей художественного образования и каких либо талантов. Стоило пристроиться в уголок на стуле, чтобы съесть свой бутерброд, как в мой адрес лились остроты, такие забавные, что даже парень подхихикивал из-за своего компьютера.

Ольга Ивановна, вынужденная всю первую половину дня самостоятельно готовить себе кофе и чай, только и ждала, когда я освобожусь. Чай ей требовался каждые пятнадцать минут.

Причем, саму процедуру она старалась обставить так, что бы процесс подачи напитка для меня прошел как можно унижительнее.

– Дарья, хватит там попу греть, – кричала она своим фирменным недовольно-визгливым тоном, – если бездельничаешь, приготовь своей начальнице чай, хоть так польза от тебя будет!

И я шла, боясь пролить чай на блюдце, мимо столов с надменными коллегами, очень занятыми важными полиграфическими делами.

По дороге нужно было глядеть в оба, так как сотрудники частенько, ради смеха, пытались подсунуть сумку мне под ноги, чтобы споткнулась. Также модно было, в то время как я шла с чашкой к начальнице, уронить что-то мне под ноги со стола, и потребовать поднять. Мол, тебе не трудно, а я занята. Естественно, поднимая упавший ластик, я обнаруживала на мониторе занятой коллеги, разложенный пасьянс.

В семь часов пополудни, я вырывалась из клетки офиса на улицы города, уже ставшего мне родным.

Это был большой, густонаселенный, но тесный и унылый город. Построенный когда-то на левом берегу красавца Днепра, но задушенный индустриализацией, он превратился в место, лишенное всякой романтики, и едва пригодное для жизни.

Я знала, что экологи давно признали воздух в городе ядовитым, а экологическое положение катастрофическим.

Все знали, но не придавали этому значения, надеясь, на авось, и на то, что заводы в черте города постепенно закрываются. Но это были тщетные надежды, так как росло количество машин и выхлопные газы, становились главной угрозой. «В таких условиях живет более семисот тысяч человек, проживет и Даша», – размышляла я, кашляя от ядовитого смога. Но где-то глубоко в памяти сохранилось нечто лучшее. Родное село! Чистые луга, лазурь неба, яркость солнца и неземной восторг купания в теплых солоноватых водах лимана.

Вспоминалась наша корова Мурка, которую я отводила перед школой к пастуху. Мурка давала вкусное молоко. Мама делала из него творог, который называла «сыр». Мы с мамой покупали на рынке мешок муки, добавляли в нее родниковую воду и закваску. Пекли хлеб в печи раз в неделю. Хлеб расчудесный, сытный. А в городе, что за продукты? Как не умащай хлеб соусами – все равно не вкусный, а молоко, – не молоко вовсе, а белая водица. Разве сравнишь с Муркиным молоком? Как давно я была дома! Лет семь прошло. За семь лет многое в городе изменилось. Прогресс на месте не стоит. А вот в деревне, наверняка все по-старому!

Но я не могла все бросить и уехать домой. А как же мечты? Прекрасный человек, который станет моим мужем и много путешествий! Наверняка я ностальгирую по деревне только потому, что кроме нее и этого города ничего не видела.

Это ничего, что прекрасный муж никак не появляется на горизонте. Он обязательно появится. Но не сейчас, не осенью! Разве может случиться чудо среди серости и луж? Разве может оно найти меня, когда я бреду мимо старых облезлых стен, увязая в грязи? Бреду с измученным лицом, уклоняюсь от картофельных очистков и яичной кожуры, которую какой-то шутник норовит скинуть мне на голову? Пока я пробираюсь к парадной двери дома, где снимаю квартиру?

Глава 3

Дома ждал сюрприз.

Ленка с порога стянула с меня грязные ботинки, мокрую куртку, и принялась причесывать.

– У нас гость! – шептала она, – давай же, улыбайся! Где огонек в глазах?

Огонек в глазах не возник даже, когда я обнаружила у нас в кухне симпатичного блондина в сером свитере. Глаза блондина по-хозяйски ощупали мое лицо и фигуру. Его зубы блеснули в ответ на мою жалкую улыбку, а глаза так и остались холодными.

Толик радостно встретил меня, как дорогого гостя и усадил напротив блондина.

– Это наша Даша! – представил он меня незнакомцу.

Почему-то покоробило, что меня представляют первой. Хотелось язвительно спросить: «А это что за принц заморский?». И вообще, вся ситуация выбила из колеи. Так хотелось отдохнуть после работы, а тут гости!

– Я Роман! – наконец выдал незнакомец и провел рукой по блестящим волосам.

– Очень приятно, – промямлила я и попыталась спастись бегством, – ну вы отдыхайте, а я...

– Куда? – возмущенно вскрикнул Толик, положив тяжелую руку на мое плечо, – человек к тебе пришел!

Лучезарная улыбка Романа несколько поблекла. Можно сказать скисла. Видимо, не ожидал гость такой встречи.

– Ко мне? – удивленно переспросила я.

– Это наш друг, – вмешалась Лена, – мы-то его знаем. Хотели с тобой познакомиться.

– Очень приятно! – вяло повторила я, и стала рассматривать бананы на кухонной клеенке.

Толик налил нам с Леной вина, а себе с другом водки. Я послушно сербала из стакана, мечтая о чае.

Не так уж я была наивна, чтоб не понимать, Роман был приведен с целью «познакомить с одинокой подружкой». И обижаться не стоило. Может, я и помеха друзьям, но они добра желают. Парень симпатичный, чего ж еще желать? Но не лежит у меня сердце. И, скорее всего, я ему не особо понравилась. Так что обойдется дело всего одним испорченным вечером.

К часам десяти, когда на улице поднялся ветер и на окне стали появляться мелкие капли дождя, меня ждал еще один неприятный сюрприз. Лена с Толиком ушли в магазин, оставив гостя на мое попечение.

Как только дверь за ними закрылась, Роман пересел поближе и вылил остатки вина в мой стакан!

– Ну что, за встречу?

Он склонился ниже, почти касаясь подбородком моей макушки. Я отпрянула. И постаралась незаметно отодвинуть свой стул подальше. Роман, не чокаясь, опрокинул рюмку водки. Затем облокотился локтем о стол, уместил подбородок в своей ладони, и уставился мне прямо в глаза.

– Ты работаешь на ксероксе? – спросил он.

– Да, в копи-центре, – ответила я, радуясь, что разговор принял нейтральное направление.

– А я механиком на СТО – гордо объявил Роман, – чиню машины. Механики хорошо зарабатывают, не то, что какие-то офисные крысы!

Я молчала, размышляя, обижаться или нет. Офисной крысой назвал он меня или мужчин, работающих в офисах? Роман удивил проницательностью, пояснив:

–Для женщины твоя работа хороша, но женщине нужен мужчина, тогда она с голоду на своей зарплате не помрет.

Видимо, гостю понравилась собственная шутка. Он широко улыбнулся, и я заметила, как блеснул золотой зуб.

–И так, вроде, не помираю,– обижено возразила я.

–Ага! Толик вас с Ленкой двоих кормит, конечно, не помираешь!

Мне стало неприятно. Вот оно что! Толику надоело кормить меня?

Заметив, как я расстроилась, Роман придвинулся еще ближе, и неожиданно обнял меня за плечи. Хватка была настолько сильной, что стало страшно. Пыталась не шевелиться, надеясь, что он ослабит «дружеские объятия» и мне удастся сбежать.

–Ты хоть ходишь, как замарашка,– заговорил он мне в самое ухо,– но меня косметикой и тряпками не обманешь. Я на искусственные ногти не введусь, как другие. Все увидел! И ноги под юбкой стройные, и формы что надо! Волосы, вон какие, натуральные! (он грубовато провел рукой у меня по голове, заставив вздрогнуть). Глазки, вон какие, большие испуганные! Ты малышка что надо!

«Мама, он пристаёт, что делать-то?» – пронеслось в голове.

–Жить будем пока здесь!– продолжал Роман,– Втроем вы жили, и вчетвером проживем. Долю аренды и хавку на себя беру! Я мужик нормальный, не какой-то альфонс! Хотя возможностей много для этого. Бабы любят меня. Мог бы как сыр в масле кататься! (он мечтательно провел рукой по своим волосам, несколько ослабив хватку). Но я так не люблю! Не позволю бабе мной верховодить!

Почувствовав слабинку, я резко наклонила голову и вывернулась из рук поклонника.

–Я это... на минуту, в ванную!– попятилась к двери.

–Ничего, иди, я не тороплюсь,– заулыбался Роман, вытягиваясь на стуле.

Вошла в ванную, поспешно закрыла дверь на щеколду и уставилась в зеркало. Оттуда смотрела испуганная, растрепанная «замарашка» (как охарактеризовал мой вид поклонник).

Да! Одета я простенько. В теплую юбку чуть ниже колен и бордовый свитер с хомутом. Лицо не накрашено. Волосы небрежно стянуты резинкой в конский хвост. Но! Но это не значит, что меня можно облагодетельствовать, предложив внебрачную связь за еду и жилье! Или значит?

Интересно, если бы я ходила в дизайнерском костюме, в сапогах за пять моих зарплат, я бы заслужила более галантное обращение? Или все это болезни современного города?

Со стороны кухни раздались звуки передвигаемых стульев. Что он там делает? Решила, на всякий случай, открыть кран, будто чем-то в ванной занимаюсь. Полилась вода, напоминая сверкающие на солнце струи родника, к которому мы в детстве ходили по воду. В раковину закапали слезы, которые тут же уносил водопроводный поток.

Может, я зря выпендриваюсь? Понравилась такому симпатичному и мужественному парню! В конце концов, это вообще первый взрослый парень, который обратил на меня внимание!

«Но хотелось не так!»– упрямылся внутренний голос.

«А как?»– спорила с ним я.

«Он должен был уйти сразу после знакомства! А потом принести цветы и пригласить в театр или кино! Говорить с тобой в первое время, не протягивая рук. А потом в ресторан. А потом снова цветы! И духи на праздник! А потом первый поцелуй! А потом...»

«Что потом?»– пререкалась я сама с собой, – «Небось, предложение руки и сердца?».

«А что в этом такого?»– не сдавался внутренний голос,– «Это же естественно! Ну, уж не так,– мешок картошки, и в койку!».

Мешок картошки меня рассмешил, что дало сил умыться, причесаться, и выйти из ванной к гостю.

Роман курил в форточку и заулыбался, увидев меня.

–Что там моя малышка? Привела себя в порядок? Один момент! Я докурю, и весь твой!

Я остановилась в дверном проеме, прикидывая, что нужно держаться поближе к входной двери (на всякий случай).

–Роман,– вдохнула я, стараясь не закашляться от табачного дыма, задуваемого ветром в кухню,– мне польстило твое внимание и предложение жить вместе, но...

–Но?– нахмурился поклонник.

– Но я не могу так сразу согласиться. Разреши мне подумать.

–Подумать?– возмутился Роман,– О чем тут думать? Что ты думаешь, что последняя женщина на земле? Смотри, какую корчит! Видали мы таких!

Гость решительно направился в мою сторону, я метнулась к выходу, но с облегчением заметила, что он надевает ботинки.

– Мне такое не надо,– бормотал поклонник, наматывая на шею шарф,– Мне попроще! Еще до золушки не доросла, а уж принцессу корчит. Цену набивает. Знаем!

Очувшись на лестничной площадке, Роман продолжал возмущаться, но я уже не слышала. Тщательно прокрутив оба замка, и оставшись одна в квартире, я вздохнула с облегчением.

Глава 4

Зима пришла в этом году рано, еще осенью. Снега не принесла, только морозы. Хотелось гордо кинуть Толику деньги за «прокорм», чтобы больше не продавал меня своим друзьям. Но до гордости ли, когда курточка продувается всеми ветрами? Пришлось распотрошить свою мечту о жарких странах и купить пуховик. Не шуба, конечно, но тепло не меньше, а может, больше. На теплые сапоги поскупилась, вместо этого купила на рынке моток козьей шерсти и связала носки. Мои ботиночки «прощай молодость» (как величала их Ленка), еще послужат.

В тот день шла на работу весело, почти в припрыжку. Не смущал мелкий колючий дождик, подернутые тонкой коркой льда лужи. Душа пела! Может, предчувствия? Но скорей всего, радовал новый пуховик. Не на пухе, а на синтипоне. Зато такой теплый и легкий! Я сама его купила на заработанные деньги. Не юношеская одежда, добытая мамой в деревне, и не Ленины обноски, а настоящая новая вещь! Все еще испытывая гордость за способность себя обеспечить, я вошла в офис.

Активно спорящие между собой коллеги, при моем приближении замолкли, а потом дружно захохотали.

–Смотри, – у Одарки новый лапсердак,– смеялась худенькая Любочка,– где она такой выкопала? Дед- фронтвик поделился?

Я покраснела! Знала, что за спиной меня называют не Дарьей, а Одаркой. Но то было за спиной, а теперь вот и стесняться перестали! Ко всему хорошему, из моих глаз прыснули слезы обиды. Обычно, я хорошо сдерживала эмоции. Подходя к месту работы, успевала подобраться, и подготовиться к худшему. И вот, почему-то, расслабилась. Расплакавшись на забаву всем, я заметалась по комнате, пытаюсь юркнуть в туалет, но для этого нужно было как-то обойти группу моих злобных сотрудниц.

Не выдержав, прошла напролом, задевая девушек и вызывая возмущение, пока меня не остановили. На мое трясущееся от обиды плечо легла тяжелая мужская рука.

– Что происходит?– раздался властный голос.

Я подняла красные глаза и всхлипнула.

Передо мной стоял молодой человек в коричневом вельветовом пиджаке, подчеркивающим мужественную линию плеч. Короткие каштановые волосы слегка вились, лицо было самое обычное. Но в целом, он производил впечатление умного и приятного мужчины.

Офис ненадолго погрузился в тишину. Коллеги делали вид, что все происходящее их не касается.

Поняв, что я не собираюсь жаловаться, а так и буду стоять, потупив взор, мужчина перевел тему разговора в мирное русло:

–Вы еще один сотрудник?– спросил он.

–Я оператор ксерокса – приемщик,– ответила я, думая о платке.

–А я новый начальник! Сергей Петрович!

Эта новость ввела меня в ступор своей неожиданностью.

–А как же...

–Ольга Ивановна? Она уволилась, и на это, конечно же, есть причины. Но вы должны были знать. Об ее уходе объявили сотрудникам еще месяц назад.

Да, конечно! Должна была знать! Но меня и сотрудником-то не считают полноценным, и на совещания, пятиминутки никогда не зовут. Впрочем, они проходят как раз, когда у меня запарка с ксероксом. И эту новость мне никто не потрудился передать. Зачем?

–Странно, что вы не знали, – пробормотал Сергей Петрович, – осматривая меня с ног до головы,– ну, что ж! Приятно было познакомиться! А сейчас все за работу! И чтобы я не слышал тут не излишнего смеха, ни плача!

Последние слова были адресованы коллегам, уже сидящим за компьютерами и усердно работающим.

Начальник удалился в кабинет, а я прошла в коморку, где служащие хранили вещи, пили чай, и стала раздеваться. Сняла с себя пуховик, заботливо свернула подкладкой вверх и повесила на гвоздик.

Чем он вызвал такие насмешки? И причем тут дед-фронтвик? Может, дело в цвете? Я выбрала защитного оттенка. Но выбор был не велик. Кроме него, только черные и красные. Те, что по приемлемой цене. Красный не решилась купить, а черный скучно. Но сейчас жалела, лучше бы черный купила. Впрочем, неизвестно. Над ним тоже могли найти повод посмеяться.

Я уселась на стул под вешалкой. Достала старенькие туфли-лодочки без каблука, в которых работала, и сняла ботинки. Белые вязаные носки показались смешными даже мне. Хорошо, что никого нет. В следующий раз пойду в туалет переобуваться от греха подальше.

– Чаю будете? – раздался над моей головой голос.

Я вздрогнула и увидела, что в комнату вошел наш новый начальник. Он с улыбкой наблюдал, как судорожно я пытаюсь снять носки и надеть туфли.

– Вы не торопитесь. Там никого нет еще. Рано.

В это время в комнату вплыла наш дизайнер Римма и с явным удовольствием, промолвила:

– Дарья, там заказчик пришел. Нужно принять.

Я вскочила со стула, но Сергей Петрович остановил.

– Куда бежите? Вы же с мороза не отошли еще. Заказ может и Римма принять. Она кофе уже пила. Да, Римма? Ведь срочных дел у вас пока нет?

Я с ужасом наблюдала за тем, как изменилось выражение лица сотрудницы. Видимо, для нее сделать хоть малейшую часть моей работы, было равносильно чистке ботинок прохожим на улице, а может, и хуже.

Мое лепетание: «Я не хочу кофе, уже готова, сейчас приму...», не приняли во внимание. И Римма отправилась принимать заказ, как Мария-Антуанетта на эшафот.

Я не радовалась этому обстоятельству. Страшно было подумать, как она постарается отомстить мне.

Надев туфли, я заметила новую проблему. На черных колготках остались белые катышки козьего пуха. Руками отодрать получалось плохо, все равно ноги смотрелись смешно и неряшливо. Окончательно расстроившись, я рассеянно приняла из рук начальника, приготовленный для меня чай, и не сразу поняла, что он ко мне обращается.

– Дарья, что с вами? – поинтересовался он, – дома все в порядке?

– Да, все в порядке, – очнулась я, – простите!

– Но вы расстроены, совершенно точно. Из-за ухода Ольги Ивановны?

– Что вы! Нет! – не сумела я скрыть улыбку.

– Это все сотрудницы! – догадался он, – Я слышал, как они вас встретили. Видимо, заклятые подружки избрали вас для развлечений. Под моим руководством не один коллектив жил. Встречались и женские, но такого я в офисе не допускаю. Не беспокойтесь, я поставлю их на место.

– Нет, нет! – поспешила возразить я, – не нужно никого ставить. Это они пошутили!

– Прикрываете их? – улыбнулся Сергей Петрович, – Умница! Вам плюс! А коллеги, поверьте, угомонятся.

Я встала, и поблагодарив за чай, стала пробираться к выходу.

– Стойте! – скомандовал начальник и достал из портфеля круглую щетку, – вот этой штукой хорошо чистится пух! Дайте я вас научу.

Сергей Петрович склонился к моим ногам и ровными движениями стал счищать козью шерсть с колготок. В этот момент в комнату зашли две сотрудницы. Трудно описать, что именно выражали их лица, но сцена, безусловно, произвела фурор.

Глава 5

Не думала я не гадала, что в унылое и холодное утро понедельника судьба подбросит мне сюрприз.

С тех пор все переменялось. Изменилась и я. Куда-то подевалось убогое создание, волочащее ноги на ненавистную работу. И родилась, а может, возродилась, молодая девчонка, часами крутящаяся перед зеркалом, интересующаяся одеждой и косметикой, и ловящая на себе взгляды мужчин даже в ноябре.

Ленка призналась, что вернулась ее задушевная подруга, с которой она, было, попрощалась. И эта подруга – я. Теперь вечерами она не лежала под боком Толика, пялясь в телевизор, а сплетничала со мной на кухне.

– Какого цвета его глаза?– как-то спросила Лена.

Вопрос озадачил.

–Я не знаю!– расстроилась я, что упустила такую важную деталь.

–Как так?– удивилась подруга.

– Я не разу не смотрела в его глаза. Стесняюсь.

Ленка засмеялась:

–Ну, ты уж наберись храбрости. Может, это его побудит перейти к решительным действиям.

–Что ты, Лен,– покраснела я,– какие решительные действия? Я не готова!

–Ну, готова? Ты ж в него втюрилась! Не так?

– Скрывать не буду. Но, знаю, если он сейчас пригласит меня куда-то, то я со страху могу отказать, а потом не прошу себе этого.

Ленка засмеялась так громко, что Толику стало завидно. Веселятся! Без него! Он бросил свой телик и присоединился к чаепитию. Интересный разговор пришлось прервать.

Я снова стала нуждаться в деньгах. Все запасы ушли на одежду и косметику. Я покупала только самые дешевые вещи с распродаж, но и это было не по карману. А делать нечего. Стыдно было при Сергее Петровиче носить одежду, купленную мамой в Васютине лет пять назад.

Когда я в первый раз после выходных, вышла на работу в коричневой узкой юбке элегантной длины, блузке бутылочного цвета и новых полусапожках на маленьком каблучке, Сергей одарил меня взглядом, которого я никогда не забуду.

«Ты моя умница!»– прочитала я в его глазах. Весь день работа моя спорилась. Я летала за конторкой, как на крыльях. А вечером по дороге домой зашла не в булочную, а в магазин бытовой химии. И купила там не средство для мытья посуды, а тушь и пудру.

«Вот увидишь, Сережа!»– думала я, стоя в очереди к кассе,– Я стану не хуже наших выскочек-дизайнеров!».

Дни сменялись днями, настроение мое оставалось приподнятым. Работу свою полюбила и стала делать ее лучше и быстрее. Мне улыбались клиенты. Мужчины заигрывали. В этих случаях, я не горбилась и пыталась отвернуться, как было раньше, а кокетничала и искала глазами Сергея: «Видит ли?». Уставать стала меньше, так как делала только свою работу, обязанности секретарши для всех, начальник с меня снял. Так что мы с дизайнерами оказались в равных условиях. Утром бездельничали они, а вечером – я. В свободное время, я уходила в чайную комнату и читала над чашкой остывшего чая. Но часто, по нескольку дней читала одну и ту же страницу, потому что в это время мой ум погружался в сладкие мечты. Иногда волшебство нарушал сам предмет мечтаний, входящий в комнату, чтобы приготовить себе кофе. Он пытался заговорить со мной, но я всегда тушевалась и краснела. Так что разговора не выходило, и он оставлял меня в покое наедине с его прекрасным образом, живущим внутри меня.

В декабре возникла новая проблема. Близился день рождения Сергея Петровича. Девчонки уже содрали долю на подарок, как только я получила зарплату. Но мне безумно хотелось подарить что-то от себя. Что-то, с чем бы он мог не расставаться, вспоминая меня. Денег катастрофически не хватало, но выручила Лена. Она же и помогла выбрать подарок: кожаный чехол для мобильного телефона.

«Уж, эта вещь всегда будет у него перед глазами!»– уверяла подруга.

В ночь перед праздником Лена долго заплетала мне косички, и в день X, волосы легли на плечи роскошными локонами.

В конце рабочего дня, Сергей с Владом- дизайнером сдвинули столы. Девочки накрыли их скатертью и уставили закусками, принесенными начальником из магазина. Я активно участвовала в процессе. Нарезала, украшала, носила... Улучив момент, когда Сергей за чем-то зашел в кабинет, я юркнула за ним и протянула свой подарок в красивой коробочке.

–С днем рождения, Сергей Петрович!– смущенно пролепетала я.

–Дашенька! Это мне?– обрадовался он,– Не стоило тратиться! У тебя и так зарплата маленькая. Но мне приятно.

Он сразу же вскрыл упаковку.

–Какая красота! У меня как раз старый чехол. И заметила же!– удивился он.

Я густо покраснела, но не стала признаваться, что подарок случайный и выбирала его подруга.

Сергей Петрович достал свой телефон, освободил его от старого чехла и надел мой.

Когда мы вышли из кабинета, вид у меня был настолько сияющий, что коллеги многозначительно переглянулись.

Банкет шел своим чередом. Звучали тосты. Одна за другой опустошались бутылки вина. Девушки говорили громко, перебивая друг друга. Наконец, стол опустел. Коллеги группками удалялись на перекур. А я радовалась, что не курю. Что можно сидеть в тепле и опустошать тарелки с вкусными бутербродами, пока никто не видит. Хоть на меня мало обращали внимание, но все равно стеснялась показывать свой здоровый аппетит, особенно перед Сергеем. Дома мы редко баловали себя колбасой и сыром, только по праздникам.

На краю стола стояло блюдо с половиной торта. Кусочек мне уже выдали, но захотелось повторить. Я отрезала себе треугольничек побольше, взяла чашку и пошла в подсобку, долить чаю.

Чайник уже закипал, но картина, увиденная мной в комнате, заставила начисто забыть о напитках. Единственный оставленный стул занимал именинник, а на его коленях восседала Люба, крепко обвивая цепкими руками его шею. Руки задрожали и чашка, соскользнув с блюдца, упала на пол.

Заметив меня, Сергей и Люба вскочили на ноги. Дальнейшего я не видела, так как в ужасе выбежала на двор, где веселый Влад стал предлагать мне сигарету.

До конца вечера я пыталась взять себя в руки. Даже улыбалась и смеялась, хоть смех звучал странно. В сторону Сергея и Любы упорно не смотрела. Все подмывало уйти пораньше, и наплакаться вдоволь на Ленкином плече, но дала себе слово продержаться до конца. Трудно скрыть эмоции, когда лицо покрыто предательскими красными пятнами, а руки дрожат. Гуляющие стали расходиться, и я заметила, что Сергей крутится рядом. Он ходил за мной, когда я носила посуду и стоял рядом, когда я ее мыла. Он как будто дожидался, когда мы останемся вдвоем. Мешали сотрудники, которые один за другим подходили прощаться с именинником. Мне не хотелось говорить с Сергеем. Была уверена, что расплачусь. Поэтому находила дела, в надежде, что он уйдет первым. И он, наконец, ушел.

Заметив, что его нигде нет. Я быстро облачилась в сапожки и пуховик, и, не прощаясь с парой засидевшихся коллег, выбежала на улицу. Но там стоял он!

– Даша! – окликнул меня Сергей, – я тебя жду!

Деваться было некуда, и я остановилась, уставившись в мерзлый асфальт.

– Даша, я хотел объяснить, – продолжал он, – то, что ты видела – это глупый фарс, к которому я не имею отношения.

При этих словах сердце застучало громче, и я подняла глаза. Он стоял такой растерянный и виноватый, что захотелось притянуть к себе и поцеловать. Он оправдывается передо мной! Разве мне он что-то должен, что-то обещал? Видимо, да!

– Вы ничего не должны объяснять! – хотела я сказать строго, но голос и улыбка выдавали любовь.

Он должен был ее почувствовать, ведь любовь меня переполняла. Хотелось сказать: «Не переживай! Я все прощу!».

– Не должен! – согласился он, – Но я не хочу, чтобы ты так обо мне думала! Люба перепила чуток и стала вести себя развязно. Я и ахнуть не успел, как она на меня уселась. И тут ты! Понимаешь?

– Понимаю, – радостно выдохнула я.

– Вот и хорошо, – обрадовался Сергей, – ты где живешь?

– На Днепроградской.

– Далековато. Я в другую сторону. Сейчас такси вызову, машину дома оставил. А тебе вызвать?

– Нет, не нужно, – запротестовала я, – тут в двух шагах маршрутка.

– Давай провожу тебя до нее, – предложил Сергей.

Не чувствуя ног от счастья, я шла бок о бок с любимым. Иногда в скользких местах, он придерживал меня под локоть. В эти моменты по телу разливалось блаженное тепло.

Поджидая маршрутку, Сергей вновь затронул неприятный вопрос.

– Я бы никогда не завел шашни на работе, особенно с подчиненной. Это мой принцип!

– Но почему же? – неожиданно для себя спросила я.

– Это не этично. Могут возникнуть проблемы.

– Ну, а если любовь...

– Ты права, – немного подумав, согласился он, – но не к Любе же Любовь!

Он засмеялся, и мне тоже стало смешно.

– Как бы то не было, – добавил Сергей, – у меня уже есть девушка, которую я люблю.

От этих слов в животе запорхали бабочки, я подняла на него благодарные глаза, но наш разговор прервала, так некстати подошедшая маршрутка.

Глава 6

Лена поджидала меня на кухне, и по выражению лица поняла, что есть новости.

–Ну, как ему понравился подарок?– спросила она.

–Очень понравился! Он сразу же надел его на мобильник. И очень благодарил.

– Вы поцеловались?– поинтересовалась подруга.

–Нет, что ты!– засмеялась я,– Но он признался, что любит меня!

–Да ты что?!– подпрыгнула Ленка,– Вот это новость!

Не в силах усидеть на стуле, она заметалась по кухне:

–Скорей раздевайся! Я чаю соображу, а ты мне все расскажешь подробно! И дословно!

Я скинула пальто и, потирая замерзшие руки, вошла в кухню.

За мной просочился Толик:

–Дамы, меня чаем не угостите?

–В другой раз!– сказала Лена и решительно выставила за дверь удивленного Толика.

Я грела руки о чашку, закусывала печеньем (откуда только аппетит после банкета появился), и рассказывала все по порядку.

Лена слушала очень внимательно, расспрашивала, если ей казалось, что я что-то упустила, и кивала головой. В конце рассказа, она, вдруг, помрачнела и остановила меня:

–Стой! Чего-то я не поняла! Ты точно помнишь, что именно он тебе сказал?

–Конечно!– удивилась я,– Как сейчас помню каждое его слово и каждый взгляд!

–Тогда, может, я чего не расслышала. Повтори!

– Он сказал: «Как бы то не было, у меня уже есть девушка, которую я люблю!».

– Значит, он тебе признался, что у него есть девушка?– уточнила Лена.

– Что за глупости!– возмутилась я, но сердце предательски екнуло,– он имел в виду, что есть девушка, которую он любит!

–Эх, Дашка, Дашка!– покачала головой подруга,– откуда тебе знать, что он имел в виду? Ты девушка не опытная, что с тебя взять? С мужчинами нельзя делать таких поспешных выводов. Даже, если он четко и ясно говорит, радоваться рано. А если уж намекает.... Но в его словах, я даже намек не заметила, уж прости!

Минуту я сидела молча. Потом слезы закапали в чай.

Ленка подседа ближе, взяла мою голову и прижала к своей тощей груди.

–Ну, будет тебе плакать!– пробормотала она,– ничего же не случилось! Может, я не права! Может, он так по-дурачки выразился. Но ты-то сердцем почувствовала! Сердце тоже нельзя снимать со счетов.

Я согласилась с последним ее утверждением и немного успокоилась. Но на следующий день проснулась в самом помятом виде, на мокрой от слез подушке.

Привычно подойдя к зеркалу в офисе, я испугалась своего опухшего лица. Правда, в тот день, все сотрудники выглядели как близнецы-братья, а я как их сестрица. Все равно показываться в таком виде на глаза Сергею не хотелось. Но он и не искал со мной встреч.

И на следующий день был также ровно благожелателен, как раньше.

Потекли дни за днями. Ничего не менялось, только становилось все холоднее. Гололед и снег заставляли передвигаться по городу мелкими перебежками. Градус отношений между мной и любимым не повышался. Я не знала что думать. Иногда в голову стучалась мысль: «У него есть девушка! Он же сам сказал!». Но долго эта мысль в голове не задерживалась, уж слишком болезненно отражалась она на моей психике.

Часто раздумывая над вопросом: «Почему, если он любит меня, не предпринимает шагов к сближению?», я пришла к выводу, что дело в работе. Ведь он ясно дал понять, что из принципа не заводит романов на службе. Появились мысли об увольнении. Думать об этом не хоте-

лось, работа мне понравилась с тех пор, как туда пришел Сергей. Я решила, что увольняться не стану, но все равно ловила себя на том, что просматриваю объявления о вакансиях.

Не известно на что бы я решилась, но судьба все решила за меня.

В то утро Ленка объявила, что купила себе новые сапожки, а старые отдает мне. Они из натуральной кожи, на настоящем овечьем меху. Не то, что мои опорки, из натурального Чебурашки! Сапожки были хороши, и мне впору. Только вот каблук слегка высоковат. Ленка-кокетка, скачет на каблуках в любую погоду, а я не привыкшая. Наши препирательства заняли какое-то время, и продолжались бы долго, если бы я не заметила, что опаздываю на работу. В ужасе, без разговоров натянула новые сапожки, и стремглав понеслась на остановку. Маршрутка уже отходила. И я кинулась ее догонять, отчаянно размахивая руками. И тут каблуки и гололед не нашли общего языка. Я растянулась на льду, недалеко от остановки, и уже не смогла встать на ноги. Правая лодыжка отзывалась на любую попытку подняться острой болью. Пришлось звонить Лене, которая еще не успела уйти на работу. Подружка вызвала скорую и сопроводила меня в больницу. Там замуровали меня в гипс и, подержав несколько дней, отправили домой отдыхать. Пока я лежала в больнице, меня навестил Сергей Петрович. Правда, не один, а с полным офисным составом. Делегация принесла мне апельсины, букет замерзших гербер, и так шумела, что скоро их всех выставили из отделения. Наказали приходить по одному. Но больше никто не приходил, кроме Лены.

Наотдыхалась я вдоволь. Все сидела дома, смотрела телевизор и в окно, на заметаемый снегом двор.

Приезжала мама, поохала, дала денег. Ведь больничный в нашей конторе выходил совсем копейки, а нужно было за квартиру платить. Мама прожила с нами два дня. В это время Толик прятался у друга. Мы с Ленкой боялись, что мама не поймет нашу специфическую «семейную» жизнь втроем.

Я очень была рада родному человеку. Пока не видела, не понимала, как соскучилась. Все липла к ней. Мама даже в шутку спросила, не забрать ли меня домой? Я подумала, и отказалась. Не смотря на шиканья Ленки, призналась, что у меня здесь есть любимый человек. Мама захотела познакомиться, но я возразила: «Рано еще! Отношения толком не завязались».

–К весне приезжайте в гости с женихом, и с Леночкой! – пригласила мама.

Потом забила холодильник деревенскими продуктами и удалилась на автовокзал.

Заканчивался месяц моего домашнего ареста. Осталось только снять гипс, и я свободна.

Так соскучилась по Сергею, что многое бы отдала за то, чтобы увидеть его лицо. Или, хотя бы, услышать голос.

Но в больнице меня ждал крайне неприятный сюрприз. Кость срослась неудачно. Необходима операция!

Это была первая операция в моей жизни под общим наркозом. Страх сковал все тело, но я плыла по течению, доверяясь врачам, и стараясь ни о чем не думать. Операция надолго уложила меня в больничную койку. Но я не чувствовала особой боли или неудобств. Только остро скучала по маме и Сергею.

После первых тяжелых дней, я воспрянула духом, и даже познакомилась с двумя моими соседками, которые тоже оказались молодыми девчонками.

Девушки оптимистичнее относились к своим травмам. Роза, двадцатилетняя смуглянка с забавными косичками, радовалась, что сломанная рука помогла отсрочить сессию, к которой та не успела, как следует, подготовиться. Она неутомимо болтала, приставая к медсестрам и соседкам по палате с историями и анекдотами.

Бледная Валя, несмотря на перелом обеих рук, нежно улыбалась, как невеста у алтаря. И выглядела счастливой и уравновешенной. Она, как и Роза, еще училась. Но в консерватории.

Роза радовалась за Валю, что та не пианистка, а певица. И компетентно заявляла, что руки в пении не пригодятся, простуда – вот чего стоит опасаться соседке!

Из-за работы, Лена не могла приходить часто, и я находила удовольствие в общении с Розой. У нее на уме были только тряпки и мужчины, и эта пустая болтовня, волшебным образом, успокаивала мои расшатанные болезнью нервы. Разумеется, Розу интересовали и мои любовные похождения. Выяснив, что вспомнить мне нечего, кроме симпатий и пары взглядов еще в институте, Роза была ошеломлена. Она уверяла, что со мной что-то не в порядке и рекомендовала психолога. Тут я не выдержала и призналась, что люблю одного человека, и, возможно, он отвечает взаимностью. Соседку по палате моя история любви к Сергею Петровичу, а также невозможность встречаться из-за работы, не впечатлила. Она охарактеризовала мои терзания одним словом: «Чушь!».

–Это че-пу-ха!– склонившись над кроватью, твердила Роза,– большей глупости я в жизни не слышала! Нет у тебя никакого романа с начальником! Ты ему даже не нравишься, как женщина!

Меня растаивали ее слова, но, все-таки, я не верила им. Пусть болтает, что хочет! Много она понимает!

Один из таких споров прервал телефонный звонок.

–Это он!– воскликнула я, победно взглянув на соседку.

Сергей Петрович не звонил мне раньше. Просто так не звонил, значит, дело было серьезное. Так оно и вышло.

–Дашенька, как твое здоровье?– услышала я его нежный голос.

–Уже лучше, но из больницы теперь выпустят не так скоро,– призналась я.

–У меня есть для тебя новости. Но не хотелось бы по телефону,– сказал он,– Можно я приду, навещу тебя?

–Конечно, Сергей Петрович! Я вам всегда рада! Приходите в приемные часы.

–Договорились, зайду сегодня в шесть! Выздоровливай!

–Вот видишь!– повернулась я к Розе, – Он придет! Один!

–Ну, наконец-то!– сквозь зубы проговорила она. – Будем ждать! Правда, вид у тебя не для свидания.

Соседка открыла свою тумбочку, и достала косметичку. К шести вечера я возлежала на свежих подушках (за дополнительную плату попросили сменить постель), покрашенная, причесанная и благоухающая французским парфюмом.

Сергей пришел в половину седьмого. Как положено с букетом цветов. Мне казалось, он так же смущен как я. Несколько делано улыбался, и пытался избежать прямого взгляда.

–Ну, как наша больная?– бодро начал он.

–Ничего, выздоравливаю!– ответила я.

–Дашенька, я пришел по серьезному вопросу. Это неприятно, но необходимо сделать.

Я, лично, никогда так бы не поступил, особенно с тобой. Но я человек подневольный. Директор центра принял решение взять на твое место другого работника. Работа стоит, девочки не справляются. А тебе придется выздоравливать еще долго. К тому же, неплохо бы после такой травмы пройти курс реабилитации. Ты, наверное, и сама уж не хочешь работать в нашем центре?

–Ну, вообще, Сергей Петрович, – растерялась я, – мне нравится работа.

–Но ведь ты нуждаешься в деньгах!– нашелся начальник,– знаешь, как мало получишь по больничному. А если подпишешь по собственному желанию, то хозяин обещал за время болезни выплатить полную ставку!

Сергей Петрович достал из портфеля бумагу с печатями, закрепил ее в специальной папке и положил мне на колени.

–Напишешь заявление?– заискивающе спросил он, протягивая ручку.

–А вы как посоветуете?– спросила я, ища в его глазах поддержку.

–Посоветую подписать! Я бы не стал ссориться с директором. Он человек мстительный, откровенно говоря. Так что, как друг, советую тебе согласиться.

Я вздохнула, и под диктовку бывшего начальника написала заявление об уходе.

Он посидел еще пять минут. Пожаловался на холод за окном. Пожелал поскорей выздороветь. Пообещал хорошую характеристику для нового места работы. И распрощался, поцеловав меня в щеку. Пребывая в некотором ступоре, я даже не почувствовала этого, недавно, такого желанного поцелуя.

Как только дверь закрылась за посетителем, Роза метнулась в мою сторону, так быстро, как будто ее все время удерживали. Она уселась на мою койку и прижала к себе здоровой рукой.

–Вот мерзавец!– кричала она мне в ухо.– Вот предатель! А ты ему верила, бедная!

–Перестань Роза! – неожиданно для самой себя резко оборвала я.– С чего он, вдруг, мерзавец? Это же не он меня уволил! Что он мог сделать?

–Что мог?– возмутилась соседка.– Мог бы не стараться угодить директору, а посоветовать тебе не писать заявление. И, в случае увольнения, подать в суд!

–Я бы никогда не подала в суд! Не умею это делать.

–А он на что? Жених выискался! Помог бы!

–Но... но... Может, он хотел, чтобы я уволилась?– выдала я.

–Зачем это?– удивилась Роза.

–Теперь мы не работаем вместе. Он не мой начальник. Теперь у нас могут быть другие отношения.

–Тьфу!– мотнула головой Роза, вскочив с моей кровати.– Ну, ты и дура! С такими дурами я даже разговаривать не хочу!

Она вышла из палаты, хлопнув дверью. Я оглянулась и встретилась глазами с Валею. Ее взгляд выражал печаль и жалость. Слезы потекли сразу обильно и залили мне шею.

–Ты тоже думаешь, что я дура?– давась слезами, спросила я Валею.

–Нет, – ответила она, – но, в остальном, Роза, пожалуй, права.

У меня еще оставалась капля надежды, но шел день за днем, и она испарилась, как роса на солнце. Сергей не звонил. Он забыл о моем существовании. И я, наконец, поняла, что заблуждалась с самого начала.

Это была первая моя работа. Первая начальница, закидоны которой я принимала, как обычное явление, была странной женщиной. А Сергей... его хорошее отношение, желание пресечь ссоры в коллективе, создать здоровую атмосферу. Все это, после прямой травли меня, как сотрудника, я приняла за любовь. Сергей Петрович был просто «демократичным начальником», любившим обоим сотрудниц, и не брезгующим легким флиртом «для поднятия тонуса». Вот и все! Но это я поняла много позже, приобретя жизненный опыт. А тогда, я считала Сергея мерзавцем. Мое сердце было разбито. А в глазах открылись водопады слез, как весной в горах.

В связи с этим, раны заживали плохо, а врачи ругали за настроение и не желание выздороветь.

Глава 7

Одним солнечным воскресным утром, в нашу палату вошел странный посетитель.

В это время все ее обитатели уже получили положенные уколы и капельницы, и занимались каждый своим делом.

Я горько плакала, Роза зависала в мобильном Интернете, а Валя ушла в себя и что-то сосредоточенно шептала. Я уже не раз заставляла ее за этим занятием, и на мой вопрос: «Что ты делаешь, поешь что ли?», она ответила: «Молюсь!». Тогда я не стала спрашивать, какому Богу молится, все-таки, это вопрос интимный.

И вот, в этот самый момент, в палату зашел человек, вид которого просто не мог не привлечь нашего внимания. И не только нашего, но и всего персонала больницы. То и дело медсестры и санитарки просовывали в дверь свои любопытные носики.

Посетитель был высоким, в остроконечной шапке, добавляющей росту. В теплой фуфайке на длинной коричневой рясе, пошитой из шерсти. Ткань мне напомнила мамино школьное платье.

Я давно не видела священников так близко. С детства, не пересекались наши пути. Но теперь сразу узнала – передо мной батюшка.

Батюшка весело вошел в палату, почти влетел. Сделал общий поклон, и широко перекрестил Валу, после чего подsunул свою руку прямо ей под нос. Валя, просияв, поцеловала ее.

– Валентина, готова? – спросил он.

– Насколько могу, отец Михаил! – сказала Валя, окинув грустным взглядом перебинтованные руки, – даже перекреститься не могу. Правило не читала. Мама приехать не смогла. Только Иисусову молитву. Не знаю, можно ли? Допустите ли?

Я смотрела в окно, но ушки были на макушке. Уж очень мудрено звучала речь собеседников. Слова, вроде, все понятны, но смысл разговора не ясен.

Священник присел на табуретку и достал странного вида саквояж, наполовину тканый, наполовину кожаный. Я не удержалась и стала поглядывать одним глазком.

Он вынул из саквояжа нечто, напоминающее игрушечную церковь, затем книгу в кожаном переплете (похоже, старинную) и крест из белого металла. Все это бережно разложил на тумбочке. Встал, снял тужурку и шапку, утер платочком мокрый лоб, откинул прилипшие к нему седые пряди, и наклонился над Валею, ловко накрыв ее голову подобием передника. Некоторое время я наблюдала лишь затылок склоненного над больной священника, и заметила, что его волосы скрепляет какая-то уж слишком изодранная резинка.

«Странно, – подумала я, – он что, не может себе новую купить? Так-то выглядит вполне ухоженным. И ботинки хорошие, крепкие».

Я раздумывала, долго ли они будут шептаться под передником, когда священник выпрямился, положил руку Вале на голову и бодро пробормотал какую-то молитву. Когда он снял передник с моей соседки, она выглядела растрепанной и счастливой.

Я думала, что обряд окончен, но батюшка положил на грудь Вале расшитую ткань, достал что-то из маленькой церкви и дал ей съесть. После этого приложил крест к губам больной. И стал собирать все обратно в саквояж.

Я не представляла себе, что означают все эти действия. Хотя смутно помнила, как в раннем детстве бабушка водила меня в церковь, и батюшка что-то давал есть из ложечки. Но, когда я пошла в школу, походы в храм почему-то прекратились.

Все эти обряды, вероятно, были серьезным делом, потому что в это время священник сохранял самый серьезный и сосредоточенный вид. А, покончив с этим, расплылся в добродушной улыбке, достал мандарины и стал ими кормить Валу.

Я уже привыкла к странному виду посетителя и больше не прислушивалась к их разговору. Тем более он потерял свою загадочность. Речь шла о родственниках Вали и общих знакомых. Обычный разговор, ничего волшебного.

Я вспомнила о том, что давно меня никто не посещал, не развлекал. Лена все занята, маме не на кого оставить отца и брата. А больше у меня и нет никого. С тех пор, как Сергей приходил с бумагой, от него не слуху ни духу. И зачем я подписала так поспешно? Надо было после того, как хозяин даст мне положенные деньги. А теперь может и не дать. Теперь он мне ничего не должен. На что же я рассчитывала, поверив на слово? Знаю, на что! На Сергея рассчитывала! Верила, что он обязательно проследит, чтобы меня не обидели. А теперь вот не верю. Не верю ему!

И я вновь горько заплакала, прекрасно понимая, что дело тут не в деньгах.

–Кто тут еще скорбящий?– услышала я над головой мягкий голос.

Над кроватью стоял батюшка, и смотрел на мои терзания с сочувственной улыбкой. Я попыталась отвернуться и вытереть слезы рукавом халата.

–Ничего, не обращайтесь внимания!– пробормотала я,– Это глупости!

Священник не удовлетворился этим ответом. Он присел на давно пустеющий стул рядом со мной и заговорил:

–Глупости, это когда маленькие детки капризничают. А ты не маленькая. Если взрослый человек плачет, значит у него что-то болит. Или ножка. Или, к примеру, душа.

Ножка не болит у тебя? (он указал на многострадальную ногу в гипсе).

–Нет, не болит,– призналась я.

–Значит, душа?

Я промолчала.

–Апельсину хочешь?– поинтересовался он,– Я там много принес.

–Не хочу!– ответила я, и снова заплакала.

На этот раз, как капризный ребенок. И почему-то мне не хотелось, чтобы батюшка уходил. Хотелось, чтобы пожалел.

–Будет тебе слезы лить!– скомандовал он.– Смотри, какое солнышко на улице. Видишь?

Я повернула голову к окну, и увидела ясное голубое небо, с редкими нитками облаков на нем. Солнечный свет проникал сквозь, еще с лета немытые окна, и щедро заливал палату.

Застиранные простыни преобразились, и сверкали белоснежным огнем. Коричневый линолеум стал похож на жирный чернозем, что по весне привозили к нам на огород, подновить землю.

–Видишь? – снова спросил батюшка.– Как все преобразило солнышко!

Я смотрела во все глаза и мне казалась, что я понимаю, о чем он. Мне казалось, что на моих глазах происходит чудо.

–Вот я на прошлой неделе заходил к Валечке, – стал рассказывать священник,– погода стояла смурая. Без солнышка в палате было тоскливо, бедно. А сегодня Бог дал солнце. И все тоже. И на улице, и у вас, во временном вашем жилище. Все тоже, но преображенное. А на улице как красиво! Вчера было где-то плюс два. Снег за последние дни подтаял, лужи везде, грязь. А стоило выйти солнышку, грязь уже не грязь, я земля-кормилица, лужи высохли. Красота кругом!

Так и ты будешь сырость разводить, пока не вступишь в свою душу Солнышко!

–Это как, впустить солнышко?– спросила я, понимая, что говорит он иносказательно. Но все равно покосилась в сторону окна.

–Что это мы с тобой говорим, а так и не познакомились,– спохватился батюшка,– Меня отец Михаил зовут.

–Очень приятно, меня Даша,– улыбнулась я.

–Даша, тут мне Валечка шепнула, что тебя редко навещают...

–Нет, вовсе нет,– горячо возразила я,– меня не бросили!– есть и мама, и папа, и подружка осень хорошая, и брат. Они не могут, просто, часто приезжать.

–Что ты, деточка! Я и не думал, что тебя бросили. Знаю, у всех бывает, что и времени, и возможности нет. Я не к тому, чтобы (Спаси Боже!) осудить. Я к тому, что если ты хочешь, я могу тоже тебя навещать. Даже когда Валентину выпишут.

–Ой, что вы!– засмушалась я,– Мне совсем ничего не нужно! Что вы будете утруждаться?

–У меня такая работа!

–Какая?– не поняла я.

–Я служу тут при больнице. На территории небольшая церковка есть. Поэтому, все кто в больнице, мои подопечные. И если тебе религия позволяет со мной общаться...

–Я такой же религии, правда, давно в церкви не была.

–Такой же?– улыбнулся отец Михаил, значит, точно моя подопечная!

Я удивилась такому повороту. Что за больница интересная? Для верующих что ли?

–А я думала вы знакомый Валентины!

–К Валентине меня пригласила ее мама, когда зашла в наш храм свечку поставить, а потом я уже и с другими родственниками познакомился.

Тут я неизвестно откуда вспомнила, что в храме все стоит денег. И «работа» священника тоже имеет свои расценки.

–Я была бы рада, – осторожно начала я,– чтобы вы заходили, но сейчас очень плохо с деньгами. На лекарства впритык хватает.

–Не беспокойся!– улыбнулся батюшка, – беседы со священником у нас ничего не стоят.

–Ой, простите, если я обидела...

–Не в коем случае! Ты права, требы стоят. Там в храме даже расценки вывешены. Но это для тех, кому не трудно заплатить. Остальным бесплатно, конечно.

–Правда? Какая у вас церковь удивительная!

– Ты просто не знаешь, многие не знают и расстраиваются. А ведь в любой церкви, если объяснить ситуацию, пойдут на встречу. Церковь – не рынок. Но редко встречаются люди, которым Бог не дал денег на венчание или отпевание. Чаше встречаются те, которые становятся в позу и говорят: Почему мы должны платить?

–Интересно!– удивилась я.

– Да, ничего интересного!– улыбнулся отец Михаил, показав прекрасные белые зубы,– Мы с тобой о ерунде говорим, мелочах житейских. Но уже хорошо, что ты отвлеклась и плакать перестала. Ну, так что, друзья?

Отец Михаил протянул мне большую мягкую руку. Я неуклюже пожала и спросила:

–Я думала, у священников только благословение брать надо.

–Правда! Правда! Молодец!– закивал батюшка,– А умеешь ты его брать?

Я неуверенно покрутила головой.

–Ничего! Захочешь, научу!

Глава 8

Отец Михаил стал навещать меня почти каждый день. Заходил не надолго, минут на десять. Но всегда приносил улыбку, фрукты и праздничное настроение. Медсестры шутили, что фрукты отца Михаила чудодейственные. От них быстрее стали заживать раны. И я пошла на поправку. Действительно, даже скромное яблочко от батюшки благоухало мне чем-то необыкновенным. Оно было из другого мира, полного тайн, и... солнца. Того самого, о котором отец Михаил говорил в первую нашу встречу. Это таинственное солнце приходит в душу и полностью ее преобразует. Мне часто хотелось расспросить батюшку о вере, о церкви, но стеснялась слишком отнимать у него время.

С тех пор, как странный человек вошел в нашу палату, я, сама не знаю почему, перестала плакать по Сергею. Он уже не казался мне сосредоточием всех надежд на будущее. И я согласилась с Розой, сказавшей мне как-то:

–Твой бывший начальник не единственный мужчина на земле!

Согласилась, но в душе перефразировала:

«Сергей, не единственный добрый человек на земле!».

Встретив отца Михаила, я вдруг поняла, почему влюбилась в начальника, обыкновенного, по большому счету, человека. Он покорила меня не красотой, а добротой! Вот что я искала в жизни. Добро, во всех его проявлениях. Разочарование в Сергее, стало моим разочарованием в мире. Но в этот страшный момент, мир протянул мне руку помощи. И я только начинала осознавать, что это действие не какого-то неопределенного понятия, как мир, судьба. Что руку помощи протянул мне Бог.

Я ничего не знала о Боге. И вряд ли стала бы его искать, если бы он сам не вышел мне на встречу.

Отец Михаил не заходил три дня, и я стала волноваться. Жалела, что не попросила у Вали его мобильный, когда она выписывалась. Может, я ему надоела? Может, не то сказала? Может, помощь нужнее другой болящей?

Но на четвертый день все разъяснилось.

В палату вошла совсем юная девушка, лет шестнадцати и спросила:

–Кто Дарья?

–Здесь! – отозвалась я.

Девушка широко улыбнулась и стала очень похожа на отца Михаила.

–Я к вам! Зовут меня Александра, можно, Саша. Я дочь отца Михаила.

–Я так рада с тобой познакомится!– засуетилась я,– Можно, на ты?

Она кивнула.

–Присаживайся! Что с батюшкой?

–Он приболел. Ничего серьезного. Простуда. Волновался за вас..., тебя. Вот, апельсинчик передал!

Я радостно прижала к себе благоухающий цитрусом подарок.

–Спасибо, что зашла! А я и не знала, что у батюшки дочь есть!

– Ну, отец – не монах! Приходской священник. Больничный ваш. Мы живем недалеко, в пятиэтажке. И еще у меня два брата. Младшему семь лет.

–Надо же!– удивилась я,– Думала у всех батюшек обязательно есть дом, хозяйство. А вы в квартире живете. Знаю, какая в пятиэтажках теснота.

–И не говори! – вздохнула Саша, – тесно, как в скворечнике. И вообще, мне тесно в городе. Но отец доволен. Это квартира его родителей. Он и нас учит быть довольными, что не послали в деревню, в разрушенном домике жить, разрушенный храм восстанавливать. А если

Бог этого не послал, значит нам не по силам. Папа радуется и нашей квартире, и новенькой церкви.

–Так он, вообще, всему радуется, заметила,– улыбнулась я.

–Конечно!– ответила она на улыбку,– так наш Господь велел.

–Правда? Я думала, Бог не любит, когда радуются.

–Что ты?!– подняла тонкие светлые брови Саша,– Иисус Христос сказал: «Всегда радуйтесь! Непрестанно молитесь! За все благодарите!».

–А я думала, что в нашей вере Бог любит, когда оденут черное и плачут, – возразила я.

Саша открыла рот, чтобы что-то сказать, потом закрыла, и засмеялась.

–Ну да! Любит и это тоже! Ты что же, ничего о вере, о Христе не знаешь?

– Кажется, немного знаю, но только то, что слышала, – оправдывалась я.

Мне стало обидно, что какая-то девчонка, хоть и дочь священника, смеется над моей безграмотностью.

–Ты молодец!– вдруг решила она,– Многие, кого я встречала, ничего не знали о Боге и церкви. Знали только по слухам, но были уверены, что знают все!

От ее одобрения мне немного полегчало.

–Ты Евангелие не читала, наверное?

–Нет, не читала. Когда-то хотела почитать, но уж слишком не понятно показалось.

–Может, оно было на славянском?– задумалась Саша,– Ну, ладно! Если ты хочешь, я зайду еще и принесу Евангелие на русском. Попробуешь почитать. Это самое главное. Без него ты ничего о Боге не поймешь.

–Я буду рада, если ты придешь!– согласилась я, – и книгу приноси. Где ж еще читать, как не в больнице?

В конце недели пришел отец Михаил и застал меня за чтением Евангелия.

–О!– радостно воскликнул он,– Небось, Сашка моя миссионерствует потихоньку!

–Да это Саша мне дала,– улыбнулась я.

Как всегда батюшка говорил странными словами, но общий смысл их стал мне понятен.

– Гуляешь уже?– спросил он, кивнув головой в сторону костылей.

–Только по коридору и в туалет.

–Может, прогуляемся на улицу? – вдруг, предложил он.

–Не знаю, разрешат ли...

–Я спрошу врача!

Отец Михаил быстро вернулся. В руках он держал мой пуховик.

–Разрешили пройтись до церкви, – сказал он,– вот шинельку выдали.

Тут я вспомнила, как насмехались мои сотрудницы над новым пальто. Тоже сравнивали ее с солдатской одеждой. Но тогда было так горько, а сейчас весело! Удивительно!

Больничный дворик встретил меня лужами на провалившемся асфальте, кучами спекшегося от вчерашнего солнца снега, и холодной водой, льющейся с крыш.

–До весны далеко, а уже капель,– констатировал отец Михаил.

–Тепло для начала февраля,– согласилась я, но зябко поежилась.

На гипс брюки было не надеть, и под халат поддувало. С солнцем в этот день не повезло. Небо устлала серая дымка. Отец Михаил вел меня под руку, обходя скользкие места.

Мы завернули за угол, и вышли к небольшому храму. С помощью батюшки я поднялась на крыльцо.

–Умеешь креститься? – спросил он.

Я неумело перекрестилась, и отец поправил. Старательно повторила, пытаюсь запомнить, как правильно.

Резная дверь отворилась, и я очутилась в месте, в котором просто не смела вести себя как обычно. Здесь я ощутила волнение, как бывает, наверное, когда оказываешься на аудиенции у королевы в неподобающей одежде.

Батюшка давно сказал: «Проходи!», а я все топталась на своих трех ногах у порога, не зная куда ступить.

Откуда-то сбоку вынырнула женщина, замотанная по брови, и протянула и мне платок. Беленький в мелкий розовый цветочек. Я покрыла голову и стала чувствовать себя уверенней. Даже перекрестилась самостоятельно и почти правильно.

Глава 9

Мы пили чай в маленькой комнатке за свечным ящиком. Перед этим отец Михаил провёл меня по храму, объясняя, что где расположено. Я узнала новые понятия: аналой, прикладываться, иконостас, большие и малые врата. Узнала, что иконостас отделяет от храма алтарь. Куда мне, как женщине, вход заказан.

Приложившись к иконам, я сама захотела поставить свечу за здравие. Отец Михаил посоветовал поставить перед образом святого мученика Пантелеймона, в честь которого был освящен больничный храм.

Теперь я пила из особой, пахнувшей чем-то церковным чашки, горячий чай, закусывала баранками, и слушала Ольгу Павловну, служившую здесь свечницей.

– Моя коза лучше всякой собаки!– твердила Ольга Павловна,– она добрая, любящая, преданная, ласковая. А еще и польза от нее! Молочко дает. Если бы не это молочко, не вылечить бы мне мои болячки. Другие всю жизнь с такими же, как у меня проблемами, на таблетках сидят, а я вот на молочке.

–А где же вы козу держите?– удивилась я.

–Ясное дело где, – в сарае! Я живу за городом и приезжаю сюда на маршрутке.

–Тяжело, наверное!– посочувствовала я.

–Тяжелее жить в этом городе!– возразила свечница, как приезжаю со своих полей, как нюхаю этот воздух – так и голова кружится! Здесь еще, на территории больницы ничего. Деревьев много. Но пока доедешь! Зеленая добираюсь. Вам, городским, не понять.

–Да, какая ж я городская?– засмеялась я, из Васютина приехала.

–Знаю, Васютино!– встрепенулась Ольга Павловна, не далеко от моей деревни. Там храм у вас такой хороший. Хотела там устроиться. Да все занято. А в город бы дорогу забыла, но не могу. Тут при Божьем деле состою. А ты что в городе делаешь?

–Училась тут.

–Ну, выучилась?

–Уже как два года.

–И что теперь делаешь. Карьеру?

–Да, какая карьера! Работала не по специальности. Ксероксы делала. А теперь без работы осталась. Где искать не знаю.

–Зря ты в этой копилке здоровье гробишь! Вот что я тебе скажу!– строго изрекла Ольга.– Город, он такой! Пожует и выплюнет. Вот ты работала, работала. И много ль заработала? А заболела, и выкинули тебя. Права я?

Я молча покачала головой.

–А земля, – мечтательно закатила свечница глаза, – она живая. Она труд и ласку помнит, и молитву любит. Земля тебя не оставит- отблагодарит. Вот в городе все кошек, собак заводят, и носятся с ними. А они и нагадят, где не надо, и имущество испортят, и хозяина поцарапают. Видно, страсти человеческие заразны, и на животных перебегают. А я думаю, и на людей, с человека на человека...

Ольга Павловна понизила голос, и с опаской оглянулась на отца Михаила. Батюшка сидел в углу за письменным столом и перебирал бумаги. Но взгляд свечницы от него не утаился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.